

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 65–73, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-65-73
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

A Review of Literature on the Formation of Livestock Farming in the West Siberian Forest-Steppe Zone in the Late Bronze Age

Elena V. Aiyzhy¹, Sergei A. Kovalevskiy²

¹ Ph. D. of History (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor, Department of General History and Archaeology, Tuva State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: aiygy@mail.ru

² Ph. D. of History (Candidate of Historical Sciences), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: koval71@mail.ru

Abstract

The article deals with the history of development of livestock farming among the Irmen people in the Late Bronze Age. The authors' analysis of a number of research works revealed that Irmen population had a pastoral type of economy with cattle prevailing in the livestock and a smaller proportion of horses and sheep. In addition, it was revealed that the main trend in the pastoral farming development was the formation of distant-pasture cattle rearing. The review of scientific studies showed that the Irmen people of the forest-steppe part of West Siberia had both summer and winter settlements and practiced winter cattle housing. Cattle grazing was conducted within floodplain valleys of large rivers, as well as on remote pasture fields. The conclusions about the use of horses primarily as riding and draft animals, as well as those about their specific ritual role in the Late Bronze Age are rather essential.

A conclusion was drawn about individualization of horses' burials in funeral complexes and connection between burials of horse skulls and certain buried subjects. As a rule, those are cases of men who acted as community leaders. Burials of such men usually marked a series of mounds within Irmen barrows.

The rise of the tradition in the Irmen culture is explained in terms of the gradual increase of horses' role in the economy of southern West Siberia. A hypothesis was also drawn according to which orientation of horse skulls to the northeast or southwest symbolized the rising of the sun in the northeast during the summer solstice and its setting in the southwest during the winter solstice.

And the number of horse skulls in Irmen burial mounds symbolizes the number of months during which the sunrise and sunset points make significant shifts to the northeast and southwest respectively. Thus, horse skulls turned to the northeast symbolize the spring and summer months that "carry" the sun towards warmth and increasing daylight. The skulls turned the southwest, on the opposite, "carry" the fading sun towards the cold of winter.

The mythological and calendar symbolism stems from the traditions of the early Andronovo sepulchral complexes with their southwestern orientation of buried horses (imitating a yoke) and those of Andronovo burials with the southwestern orientation of human remains.

It was understood that the steady tradition of horse burials took shape in the livestock-raising communities of the steppe and forest-steppe zones of Eurasia. In terms of archaeology, the sources of the tradition are well fixed in Bronze Age artifacts and found interpretation in Indo-European rituals. The privileged position of the horse found its archaeological reflection in Irmen house-building, burial and commemorative rituals. The location analysis of animal bone remains within the sacral space of Irmen burial mounds has shown that heads (skulls) and skins of horses had been used by the Irmen people most frequently during burial and subsequent commemorative ceremonies of the funeral cycle.

Keywords: livestock farming, economic and cultural type, settlements, Late Bronze Age.

Становление кочевого скотоводческого хозяйства в степной и лесостепной зоне Западной Сибири относится к началу раннего железного века. Однако предпосылки формирования данного хозяйственно-культурного типа следует искать в культурах развитого и позднего бронзового века (андроновская, саргаринско-алексеевская, ирменская). Усилиями целого ряда специалистов, занимавшихся в разные годы изучением хозяйства населения эпохи бронзы и переходного времени к раннему железу (М. П. Грязнов, М. Ф. Косарев, Ю. Ф. Кирюшин, В. И. Молодин, А. В. Матвеев, А. Б. Шамшин, У. Э. Эрдниев и мн. др.), было установлено, что именно в конце II – начале I тыс. до н. э. в силу изменения климатической ситуации и адаптации производящего хозяйства к новым реалиям произошел переход сначала к отгонному, а затем в ряде территорий и к кочевому скотоводству.

За десятилетия изучения ирменских поселенческих комплексов в среде специалистов сложилось представление о многоотраслевом оседлом скотоводческо-земледельческом характере ирменского хозяйства. Некоторые критические замечания вызывает только наличие у «ирменцев» земледелия [Шнеевайс 2008: 144–160]. При этом признается вспомогательная роль присваивающих видов хозяйства (охота, рыболовство). Ученые, занимавшиеся исследованиями ирменских памятников различных регионов, отмечали преобладание крупного рогатого скота над мелким и лошадьми [Сидоров 1989: 141–153; Молодин 1985: 130–131; Кирюшин, Гальченко, Удодов и др. 1988: 138–142; Косарев 1981: 226; Зах 1990: 15–16; 1997: 105].

Важные наблюдения были сделаны М. П. Грязновым при исследовании посе-

ления Ирмень-I и могильника Ордынское-I в начале 1950-х гг. Исследователь на основании анализа остеологических материалов и инвентаря сделал вывод, что поселение Ирмень-I было оседлым скотоводческо-земледельческим. М. П. Грязнов на основании полученных археозоологических определений К. Б. Юрьева произвел первую реконструкцию состава стада. Согласно приведенным данным, в стаде преобладал крупный рогатый скот. В меньшей степени встречались кости мелкого рогатого скота и лошади. Роль охоты была признана незначительной. Находки зернотерки и тупик (трепал), по мнению М. П. Грязнова, свидетельствуют о наличии у местного населения мотыжного земледелия [Грязнов 1956: 27–42].

Говоря о хозяйстве ирменской культуры, М. Ф. Косарев отнес его вслед за М. П. Грязновым к пастушеско-земледельческому типу и отметил повышение роли скотоводства по сравнению с более ранним еловским временем, что объяснил проникновением в Среднее Приобье карасукского населения из Минусинской котловины [Косарев 1964: 169–175]. Т. Н. Троицкая пришла к выводу, что карасукское население Новосибирского Приобья занималось преимущественно примитивным пастушеским скотоводством с зимним содержанием скота в жилищах, но знало и мотыжное земледелие, подтверждением чему являются обломки зернотерок [Троицкая 1974: 43–46].

В. И. Матющенко хозяйство еловско-ирменского населения (на ирменском этапе) определяет как оседлое скотоводческое при доминировании крупного рогатого скота и сравнительно небольшой доле мелкого рогатого скота и лошади. На основании находок фрагментов серпов и каменных зерноте-

рок с курантом предполагается и наличие у еловско-ирменского населения земледелия. Роль охоты и рыболовства, по наблюдению В. И. Матющенко, снижается от еловского этапа к ирменскому. Отмечается наличие как мясной, так и пушной охоты на таких животных, как лось, северный олень, медведь, бобр и др. О роли рыболовства свидетельствуют находки костей либо чешуи сибирской стерляди, сибирского осетра, нельмы, щуки, язя и карася, а также гарпунов, медных крючков и грузил [Матющенко 1974: 91–96].

Говоря о хозяйственно-культурном типе ирменского населения, В. А. Зах (по материалам поселения Куделька-II) согласился с мнением предшественников о скотоводческо-земледельческом хозяйстве и отметил преобладание в стаде «ирменцев» крупного рогатого скота и несколько меньшей доли мелкого рогатого скота и лошади. Вместе с тем, сравнивая ирменское скотоводство с андроновским, В. А. Зах обратил внимание на тенденцию к сокращению доли крупного рогатого скота и увеличению доли мелкого [Зах 1997: 57–93].

Специалистами, изучавшими остеологические материалы из поселений Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, была прослежена тенденция постепенного сокращения доли крупного рогатого скота и увеличения количества лошадей и мелкого рогатого скота в ирменском животноводстве [Гальченко, Кирюшин 1986: 98–99; Сидоров 1989: 141–153; Бобров 1992: 32]. Был сделан вывод о становлении в ирменскую эпоху и переходное время от бронзы к железу отгонного скотоводства [Матвеев 1988: 98–101; 1993: 132–133; Сидоров 1989: 141–153; Молодин, Бородовский, Троицкая 1996: 130–132; Шамшин, Гальченко 1997: 101–104; Борзунов, Кирюшин, Матющенко 1995: 160–176].

М. Ф. Косарев считает, что на территории Верхнего Приобья время от времени появлялась тенденция к развитию кочевого скотоводства (например, у населения ирменской культуры), которая так и не была реализована. Наиболее экологически оправданным здесь всегда оставалось пастушеско-земледельческое хозяйство. Исследователь, отмечая археологически прослеживаемую тенденцию увеличения количества лошадей и мелкого рогатого скота в эпоху поздней бронзы, указывает, что пастуше-

ство с характерными для него сенокосением и преобладанием крупного рогатого скота над лошадью могло иметь место лишь при сравнительно небольшой численности домашнего стада. Переход же от пастушеско-земледельческих занятий к кочевничеству был оправдан при значительном увеличении количества скота. В последнем случае сенокосение уже не могло выполнять свою роль и ставка делалась на увеличение в стаде доли лошадей и овец, т. е. тех видов скота, которые круглогодично питались подножным кормом. Не случайно на позднем этапе бронзового века, когда в аридном поясе активизируется переход к кочевому укладу, наблюдается повсеместное повышение значимости коневодства, что демонстрируют остеологические материалы позднеандроновских, саргаринских, бегазы-дандыбаевских, амирабадских, ирменских и других степных (и лесостепных) памятников финальной бронзы [Косарев 1991: 42–43].

Высказанный тезис об отгонном характере ирменского скотоводства нашел подтверждение в исследованиях барнаульских специалистов. А. Б. Шамшин и А. В. Гальченко, сравнивая скотоводство «ирменцев» Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья, пришли к выводу о некотором преобладании костей лошади в первом регионе. Отмечая ведущую роль скотоводства в хозяйстве «ирменцев», исследователи считают, что различия прослеживаются в его особенностях на зимних и летних поселениях. Так, на зимних поселениях наиболее высок процент костей домашних животных, а в стаде преобладал крупный рогатый скот.

На летних поселениях костей домашних животных меньше и прослеживается преобладание в стаде лошадей. Существование у «ирменцев» Барнаульско-Бийского Приобья отгонной системы скотоводства, по мнению А. В. Гальченко, связано с земледелием и, следовательно, боязнью потрав. А. Б. Шамшин пришел к заключению, что зимние поселения «ирменцев» располагались преимущественно на территории Новосибирского Приобья, а летние — в Барнаульско-Бийском Приобье и предгорьях Алтая. Последние территории, богатые влагой и кормами, являлись ценной кормовой базой для ирменских скотоводов [Шамшин 1988: 8–9; Шамшин, Гальченко 1997: 101–104].

М. Ф. Косарев считает, что идея циклической смены «зимников» и «летников», отмеченная алтайскими специалистами, оформилась в недрах пастушеско-земледельческого хозяйства эпохи бронзы: эпизодическое увеличение численности скота не раз вынуждало степных пастухов-земледельцев отгонять стада летом в открытые степи, а традиционные местообиталища — речные поймы — использовать в основном как сенокосные луга и зимние пастбища. Это постепенно подводило степняков к кочевничеству [Косарев 1991: 46].

По наблюдениям А. В. Матвеева, подавляющее большинство ирменских поселений располагалось рядом с обширными пойменными лугами, пригодными для скотоводства и земледелия [Матвеев 1988: 98–101; 1993: 79–80]. М. Ф. Косарев также считает, что скотоводство и земледелие эпохи бронзы (включая ирменскую эпоху) были ориентированы на использование ресурсов пойменных угодий. Этому, как считает исследователь, способствовал ряд факторов (достаточная увлажненность; отсутствие выдувания семян ветром и песчаных заносов; плодородие почв). Непосредственные причины перехода степняков к пастушеско-земледельческому хозяйству М. Ф. Косарев видит не только в аридизации климата на юге Западно-Сибирской равнины, но и как результат развития производительных сил, выразившийся в развитии медной, а затем бронзовой металлургии; складывание подходящих экологических условий степной и лесостепной зон для разведения копытных и выращивания злаковых; назревание кризисной ситуации, вызванной прогрессирующим иссушением климата, катастрофическим сокращением охотничье-рыболовных угодий и предельным обострением проблемы перенаселенности [Косарев 1981: 18; 1991: 36–37].

Стойловое зимнее содержание скота на поселениях отмечал М. П. Грязнов [Грязнов 1956: 39–40]. А. В. Матвеев к общим особенностям ирменских поселений отнес их достаточно мощный гумусированный культурный слой, обладающий темной окраской, что свидетельствует, по его мнению, о высоком удельном весе скотоводства в хозяйстве ирменских племен, а также о содержании скота на поселениях [Матвеев 1988: 98–101; 1993: 83–84]. Основной особенностью больших ирменских полуземлянок А. В. Матвеев так же, как и М. П. Грязнов,

считал совмещение в рамках единого сооружения жилых и хозяйственных помещений, последние из которых предназначались также для содержания скота зимой. Эта особенность, по наблюдению исследователя, восходит к андроновской культуре [Матвеев 1995: 25–41]. По подсчетам Е. А. Сидорова, в ирменских жилищах могли содержаться 30–35 голов скота [Сидоров 1989: 141–153].

Кроме традиционного использования животных для обеспечения населения мясом и молоком, специалистами были высказаны и другие соображения. Так, В. И. Матющенко на основании находок псалий предполагал, что еловско-ирменское население использовало лошадь как верховое животное [Матющенко 1974: 93]. М. Ф. Косарев заключил, что лошадь использовалась не столько как мясное, сколько как тяговое животное, о чем свидетельствуют количественное преобладание крупного рогатого скота в стаде и сравнительно небольшой удельный вес лошади. Также различный состав костей животных на поселениях и в могильниках, по мнению исследователя, доказывает ритуальную роль отдельных животных [Косарев 1979: 37–42; 1981: 226–228]. Впоследствии данное предположение М. Ф. Косарева нашло подтверждение в работах специалистов, занимавшихся изучением погребально-поминального обряда [Бобров 1991: 70; Бобров, Горяев 1998: 182–186; Михайлов 2001: 200–201, 257; Ковтун 2013: 259–261; Ковалевский 2007: 85–89].

Так, В. В. Бобров и В. С. Горяев в статье, посвященной роли лошади в погребальном обряде ирменской культуры, пишут о появлении отдельных захоронений лошадей под курганными насыпями. Также исследователи предполагают наличие взаимосвязи захоронений черепов лошадей, зафиксированных в некоторых ирменских курганах, с погребениями мужчин. Возникновение данной традиции в ирменской среде связывается с постепенным возрастанием роли лошади в экономике населения юга Западной Сибири. По мнению В. В. Боброва и В. С. Горяева, наряду с традиционным для эпохи поздней бронзы использованием лошади в качестве тризновой пищи, намечается тенденция к появлению линии семантической связи лошади (ее черепа) с погребением взрослых мужчин с определенным социальным статусом. Исследователи сопоставили погребения лошадей в ирменской культуре эпохи поздней бронзы и захоронения с

конем в раннескифских культурах Южной Сибири. По мнению исследователей, эта традиция возникла в ирменской среде или была заимствована из обрядовой практики населения раннескифских культур [Бобров, Горяев 1998: 185]. Ю. И. Михайлов также рассматривал черепа животных (наряду с камнями-обелисками) как один из способов, которым маркировались погребения мужчин, являвшихся потестарными лидерами коллективов [Михайлов 2001: 157–159].

И. В. Ковтун в монографии, посвященной предыстории индоарийской мифологии, несколько раз обращался к ирменской проблематике. Рассматривая случаи нахождения конских голов, И. В. Ковтун приводит случаи нахождения таковых в ирменских памятниках (поселение Быстровка-IV, могильники Заречное-I, Титово-I, Журавлево-IV, VII, Камень-I), обращает внимание на их ориентацию на северо-восток или юго-запад. По его мнению, так олицетворялись восход солнца на северо-востоке во время летнего солнцестояния и его закат на юго-западе в момент зимнего солнцеворота. Количество же конских черепов, по его мнению, символизирует число месяцев, на которые приходится заметное смещение точек восхода и заката солнца к северо-востоку и юго-западу соответственно. Так черепа коней, обращенные на северо-восток, символизируют весенние и летние месяцы, «везущие» солнце к теплу, возрастающему дневному свету. Черепа же, обращенные на юго-запад, напротив, «везут» угасающее солнце к зимнему холоду. Специалист полагает, что истоки подобной мифокалендарной символизации восходят к юго-западной ориентировке коней, имитирующих парную упряжку в раннеандроновских погребальных комплексах, а также к юго-западной ориентировке погребенных в андроновских захоронениях. Таким образом, И. В. Ковтун указывает на возникновение в ту эпоху представлений о северо-восточном местоположении Верхнего мира и противоположной ему локализации Нижнего мира, помещавшейся на юго-западе. Курган 14 могильника Танай-VII специалист вообще называет танайской ашвамедхой и сравнивает погребальный обряд этого кургана, где зафиксированы в материковой яме 52 конских черепа с проломленными лобными костями, бревно, напоминающее жертвенный столб-«коновязь», и погребение, перекры-

тое «куполом» из материковой супеси с поминальным ритуалом скифов, описанным Геродотом. Отмечая сакральное значение северо-востока у танайских «ирменцев», И. В. Ковтун видит истоки описанных мифокалендарных представлений ирменского населения, олицетворяемых конскими образами, в ростовкинских и елунинских древностях сейминско-турбинской эпохи [Ковтун 2013: 259–261].

Одним из авторов данной работы было установлено, что устойчивая традиция конских погребений сформировалась в скотоводческой среде степной и лесостепной зоны Евразии. Истоки этой традиции археологически фиксируются в памятниках эпохи бронзы и находят истолкование в индоевропейских обрядах.

Привилегированное положение коней, выразившееся в организации отдельных захоронений, как правило сопровождавших погребения мужчин, являвшихся, вероятно, потестарными лидерами в своих коллективах, нашло археологически фиксируемое отражение в ирменских домостроительных и погребально-поминальных обрядах. Анализ расположения костных останков животных в сакральном пространстве курганов ирменской культуры показал, что конские головы (черепа) и «шкурью» использовались «ирменцами» наиболее часто при совершении захоронений и последующих действий поминального цикла [Ковалевский 2007: 85–89].

Таким образом, за достаточно длительный период изучения ирменских древностей (начиная с середины XX века) исследователями были получены важные выводы, позволяющие реконструировать целый ряд аспектов организации жизни древних коллективов эпохи поздней бронзы (хозяйственно-культурный тип, состав стада, способы содержания скота на поселениях, ритуальная роль отдельных животных и т. п.). Вместе с тем ряд вопросов по-прежнему остается дискуссионным (наличие у ирменского населения земледелия, а также его тип). Думается, что активное использование в археологических исследованиях последних лет естественно-научных методов позволит внести коррективы в имеющиеся реконструкции и сформировать объективную картину развития скотоводческого хозяйства эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Литература

- Бобров В. В.* Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
- Бобров В. В.* Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 60–72.
- Бобров В. В., Горяев В. С.* Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. С. 182–186.
- Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И.* Поселения и постройки заключительного периода бронзового века. Поселение и постройки межовско-ирменского культурно-хронологического пласта // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 160–176.
- Гальченко А. В., Кирюшин Ю. Ф.* К вопросу о типах хозяйства в эпоху поздней бронзы в лесостепном Верхнем Приобье // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. С. 97–100.
- Грязнов М. П.* К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. № 64. С. 27–42.
- Зах В. А.* Неолит и бронзовый век Присалаирья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 19 с.
- Зах В. А.* Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. 132 с.
- Кирюшин Ю. Ф., Гальченко А. В., Удодов В. С., Шамишин А. Б.* Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. С. 138–142.
- Ковалевский С. А.* Конские черепа и камни-обелиски в системе погребально-поминальной обрядности ирменской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. С. 85–89.
- Ковтун И. В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.
- Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.
- Косарев М. Ф.* К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 37–42.
- Косарев М. Ф.* О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964. С. 169–175.
- Матвеев А. В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 182 с.
- Матвеев А. В.* К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней бронзы Западно-Сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. С. 98–101.
- Матвеев А. В.* Семья в ирменском обществе: некоторые аспекты палеодемографического изучения (по материалам поселений) // Археология вчера, сегодня, завтра: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 1995. С. 25–41.
- Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура. Вып. 12. Томск: ТГУ, 1974. 196 с.
- Михайлов Ю. И.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.
- Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В. И., Бородавский А. П., Троицкая Т. Н.* Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Свод памятников истории и культуры народов России. Вып. 2. Новосибирск: Наука, 1996. 192 с.
- Сидоров Е. А.* Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н. э. // Советская археология. 1989. № 3. С. 141–153.
- Троицкая Т. Н.* Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск: Наука, 1974. С. 32–46.

- Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.
- Шамшин А. Б., Гальченко А. В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1997. С. 90–117.
- Шнеевайтс Й. Культурная обстановка на рубеже II–I тыс. до н. э. в Западносибирской лесостепи на основе анализа керамического комплекса памятника Чича-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 144–160.
- References**
- Bobrov V. V. *Kuznecko-Salairskaja gornaja oblast' v jepohu bronzy: avtoref. dis. ... d-ra. ist. Nauk* [Kuznetsk-Salair mountainous area in the Bronze Age. Ph.D. thesis]. Novosibirsk, 1992, 41 p. (In Russian).
- Bobrov V. V. *Osobennosti pogrebal'nogo obrjada irmenskoj kul'tury v Kuzneckoj kotlovine* [Peculiarities of the burial ritual of the Irmen culture in Kuznetsk Depression]. *Drevnie pogrebenija Ob'-Irtys'h'ja* (Ancient burial sites of the Ob-Irtysh region). Omsk, Omsk State Univ. Publ., 1991, pp. 60–72 (In Russian).
- Bobrov V. V., Goryaev V. S. *Loshad' v pogrebal'nom obrjade irmenskoj kul'tury* [Horse in the burial ritual of the Irmen culture]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* (Problems of archaeology, ethnography, anthropology in Siberia and the adjacent territories). Novosibirsk, Izd-vo IAIJe SO RAN, 1998, vol. 4, pp. 182–186 (In Russian).
- Borzunov V. A., Kirjushin Yu. F., Matyushchenko V. I. *Poselenija i postrojki zakljuchitel'nogo perioda bronzovogo veka. Poselenie i postrojki mezhovsko-irmenskogo kul'turno-hronologicheskogo plasta* [Settlements and constructions of the Late Bronze Age. Settlement and constructions of the Mezhovskaya-Irmen cultural and chronological layer]. *Oчерки kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri* (Sketches on the culture genesis of Western Siberian peoples). Tomsk, Tomsk State Univ. Publ., 1995, pp. 160–176 (In Russian).
- Gal'chenko A. V., Kiryushin Yu. F. *K voprosu o tipah hozjajstva v jepohu pozdnej bronzy v lesostepnom Verhнем Priob'e* [Revisiting types of farming in the forest-steppe zone of the Upper Ob region in the Late Bronze Age]. *Skifskaja jepoha Altaja* (Scythian era in the Altai). Barnaul, Altai State Univ. Publ., 1986, pp. 97–100 (In Russian).
- Gryaznov M. P. *K voprosu o kul'turah pozdnej bronzy v Sibiri* [Revisiting the Late Bronze Age cultures of Siberia]. *Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury* (Brief reports of the Institute of Material Culture). 1956, no. 64, pp. 27–42 (In Russian).
- Zah V. A. *Jepoha bronzy Prisalair'ja (po materialam Izylinskogo arheologicheskogo mikrorajona)* [Bronze Age in the Salair region (based on the materials from the Izylinsk archaeological district)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 132 p. (In Russian).
- Zah V. A. *Neolit i bronzovyj vek Prisalair'ja: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Neolithic Era and Bronze Age in the Salair region. Ph. D. thesis]. Kemerovo, 1990, 19 p. (In Russian).
- Kiryushin Yu. F., Gal'chenko A. V., Udodov V. S., Shamshin A. B. *Hozjajstvenno-kul'turnye tipy pozdnej bronzy lesostepnogo Altaja* [Economic and cultural models in the forest-steppe zone of the Altai region in the Late Bronze Age]. *Hronologija i kul'turnaja prinadlezhnost' pamjatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri* (Chronology and cultural classification of Stone and Bronze Age artefacts (sites) from South Siberia). Barnaul, Altai State Univ. Publ., 1988, pp. 138–142 (In Russian).
- Kosarev M. F. *Bronzovyj vek Zapadnoj Sibiri* [Bronze Age in Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 279 p. (In Russian).
- Kosarev M. F. *Drevnjaja istorija Zapadnoj Sibiri: chelovek i prirodnaja sreda* [Ancient history of Western Siberia: man and the environment]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 302 p. (In Russian).
- Kosarev M. F. *K probleme paleoklimatologii i paleogeografii juga Zapadno-Sibirskoj ravniny v bronzovom i zheleznom vekah* [Revisiting the problem of paleoclimatology and paleogeography in the south of the West Siberian Plain in the Bronze and Iron Ages]. *Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri* (Peculiarities of the natural, geographical surroundings and historical processes in Western Siberia). Tomsk, Tomsk State Univ. Publ., 1979, pp. 37–42 (In Russian).
- Kosarev M. F. *O proishozhdenii irmenskoj kul'tury* [On the origin of the Irmen culture]. *Pamjatniki kamennogo i bronzovogo vekov Evrazii* (Stone and Bronze Age artefacts of Eurasia). Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 169–175 (In Russian).

- Kovalevskij S. A. *Konskie cherepa i kamni-obeliski v sisteme pogrebal'no-pominal'noj obrjadnosti irmenskoj kul'tury* [Horse skulls and stone obelisks in the sepulchral and ritual system of the Irmen culture]. *Altae-Sajanskaja gornaja strana i istorija osvoenija ee kochevnikami* (Altai and Sayan mountain region and the history of its settlement by nomads). Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2007, pp. 85–89 (In Russian).
- Kovtun I. V. *Predistorija indoarijskoj mifologii* [Prehistory of the Indo-Aryan mythology]. Kemerovo, Print Publ., 2013, 702 p. (In Russian).
- Matveev A. V. *Irmenskaja kul'tura v lesostepnom Priob'e* [Irmen culture in the forest-steppe zone of the Ob region]. Novosibirsk, Novosibirsk State Univ. Publ., 1993, 182 p. (In Russian).
- Matveev A. V. *K voprosu ob istoriko-kul'turnoj sistematike i hronologii pamjatnikov jepohi pozdnej bronzy Zapadno-Sibirskoj lesostepi* [Revisiting the historical and cultural classification and chronology of Late Bronze Age artefacts in the Western Siberian forest-steppe zone]. *Hronologija i kul'turnaja prinadlezhnost' pamjatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Juzhnoj Sibiri* (Chronology and cultural classification of Stone and Bronze Age artefacts (sites) from South Siberia). Barnaul, Altai State Univ. Publ., 1988, pp. 98–101 (In Russian).
- Matveev A. V. *Sem'ja v irmenskom obshhestve: nekotorye aspekty paleodemograficheskogo izuchenija (po materialam poselenij)* [Family in Irmen society: some aspects of the paleodemographic studies (based on the materials from settlements)]. *Arheologija vchera, segodnja, zavtra: mezhvuz. sb. nauch. tr.* (Archaeology — yesterday, today, tomorrow: interacademic collection of research papers). Novosibirsk, NGPU Publ., 1995, pp. 25–41 (In Russian).
- Matyushhenko V. I. *Drevnjaja istorija naselenija lesnogo i lesostepnogo Priob'ja (neolit i bronzovyj vek). Elovsko-irmenskaja kul'tura* [Ancient population history of the forest and forest-steppe zones of the Ob region (the Neolithic and Bronze Ages). The Yelovskaya-Irmen culture]. Tomsk, Tomsk State Univ. Publ., 1974, Is. 12, 196 p. (In Russian).
- Mikhailov Yu. I. *Mirovozzrenie drevnih obshhestv juga Zapadnoj Sibiri (jepoha bronzy)* [The world outlook of ancient societies in the south of Western Siberia (the Bronze Age)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2001, 363 p. (In Russian).
- Molodin V. I. *Baraba v jepohu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, 200 p. (In Russian).
- Molodin V. I., Borodovskij A. P., Troickaya T. N. *Arheologicheskie pamjatniki Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti. Svod pamjatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii* [Archaeological artefacts of Kolyvansky District (Novosibirsk Oblast). Collection of historical and cultural artefacts of Russia's peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 192 p. (In Russian).
- Sidorov E. A. *Skotovodstvo lesostepnogo Priob'ja v I tys. do n. je.* [Livestock breeding in the forest-steppe zone of the Ob region in the 1st millennium BC]. *Sovetskaja arheologija* (Soviet Archeology). 1989, no. 3, pp. 141–153 (In Russian).
- Troickaya T. N. *Karasukskaja jepoha v Novosibirskom Priob'e* [The Karasuk period in the Novosibirsk area of the Ob region]. *Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri* (Bronze and Iron Ages in Siberia. Ancient Siberia). Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, pp. 32–46 (In Russian).
- Shamshin A. B. *Jepoha pozdnej bronzy i perehodnoe vremja v Barnaul'sko-Bijskom Priob'e (XII–VI vv. do n. je.): avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk* [The Late Bronze Age and transition period in the Barnaul-Biysk area of the Ob region (12th – 6th centuries BC). Ph. D. thesis]. Kemerovo, 1988, 16 p. (In Russian).
- Shamshin A. B., Gal'chenko A. V. *Hozjajstvo naselenija Barnaul'sko-Bijskogo Priob'ja v jepohu pozdnej bronzy i v perehodnoe vremja ot bronzy k zhelezu* [Population and economy of the Barnaul-Biysk area of the Ob region in the Late Bronze Age and transition period — from bronze to iron]. *Istochniki po istorii Respubliki Altaj* (Sources on the history of the Altai Republic). Gorno-Altajsk, GAIGI, 1997, pp. 90–117 (In Russian).
- Shneevajs J. *Kul'turnaja obstanovka na rubezhe II–I tys. do n. je. v Zapadnosibirskoj lesostepi na osnove analiza keramicheskogo kompleksa pamjatnika Chicha-1* [Cultural situation at the turn of the 2nd – 1st millennia BC in the Western Siberian forest-steppe zone — based on the analysis of a ceramic complex from Chicha-1 site]. *Jetnokul'turnye processy v Verhnem Priob'e i sopredel'nyh regionah v konce jepohi bronzy* (Ethnocultural processes in the Upper Ob region and adjacent territories in the Late Bronze Age). Barnaul, Concept Publ., 2008, pp. 144–160 (In Russian).

УДК 39

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫЕлена Валерьевна Айыжы¹, Сергей Алексеевич Ковалевский²¹ кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: aiugy@mail.ru² кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: koval71@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению истории формирования скотоводческого хозяйства в конце бронзового века у населения ирменской культуры. В результате проведенного анализа работ ряда ученых авторами было установлено, что ирменское население имело пастушеский тип хозяйства, а в стаде преобладал крупный рогатый скот, при меньшей доле лошадей и мелкого рогатого скота. Кроме того, было выявлено, что основной тенденцией в развитии пастушеского хозяйства стало формирование отгонного скотоводства. Обзор работ ученых показал, что ирменское население лесостепной части Западной Сибири имело как летние, так и зимние поселения, а также практиковало стойловое содержание крупного рогатого скота в зимний период. Выпас скота осуществлялся в пределах пойменных долин крупных рек, а также на отдаленных пастбищах. Важным представляются и выводы об использовании в эпоху поздней бронзы лошадей преимущественно как верховых и тягловых животных, а также их определенной ритуальной роли. Также важен вывод о появлении отдельных захоронений лошадей под курганными насыпями и связи захоронений черепов лошадей с погребениями мужчин, являвшихся лидерами в своих коллективах.

Ключевые слова: скотоводство, хозяйственно-культурный тип, поселения, эпоха поздней бронзы.